

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
Russian Literature

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00007

Н.П. Дворцова (Тюмень)

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ: ОПЫТ ПАНКРАТИЯ
СУМАРОКОВА**

Аннотация. В статье впервые на основе документальных и литературно-художественных произведений 1801–1810-х гг. реконструируется опыт возвращения из ссылки поэта, переводчика, редактора П.П. Сумарокова, находившегося в Сибири четырнадцать лет (1787–1801). Возвращение из ссылки понимается как лиминальная ситуация, биографическое событие и система мотивов. Исследование построено на сравнительном анализе системы мотивов возвращения из ссылки в документе «Прошение Панкратия Платоновича Сумарокова на Высочайшее имя о восстановлении его в сословных и имущественных правах» (1801) и литературно-художественных произведениях писателя. Методология исследования является интегративной: мотивный анализ текстов возвращения сосуществует с биографическим анализом, а также с методикой интерпретации обрядов перехода А. ван Геннепа. Показано, что ссылка в текстах возвращения связана с мотивами дома как внешнего и внутреннего пространства жизни; страдания / слез / травмы, а также с ситуацией «творчество как спасение», в основании которой – библиофилический культурный миф эпохи Просвещения. Сюжет возвращения из ссылки представлен тремя основными мотивами: дома (утраты сибирского и создания нового в родовом имени), превращения (метаморфоз), обновления / новизны. Установлено, что «включение» в новый порядок жизни после возвращения было для Сумарокова не только воссозданием тех форм творчества (журналы, переводные повести, стихотворения, домостроительные книги), которыми он занимался в Сибири, но и критическим переосмыслением библиофилического культурного мифа: в лиминальной ситуации «между книгами и жизнью» творчество жизни становится для него важнее сочинения книг.

Ключевые слова: Панкратий Сумароков; бытие-в-ссылке; возвращение из ссылки; лиминальность; тексты возвращения; мотив.

N.P. Dvortsova (Tyumen)

Return from Exile: Pankratiy Sumarokov's Experience

Abstract. This article takes a look at the 1801–1810 documentary and literary works and, for the first time, reconstructs P.P. Sumarokov's experience of returning from exile. P.P. Sumarokov was a poet, translator, and editor who spent fourteen years (1787–1801) of his life in Siberia. His return from exile is considered as a liminal situa-

tion, a biographical event and a system of motives. The study is based on a comparative analysis of the system of motives for his return from exile in the document “Petition of Pankratiy Platonovich Sumarokov to the Highest Name for a Restoration in his Estate and Property Rights” (1801) and the writer’s literary works. The integrative research methodology comprises a motivational analysis of the ‘return-from-exile’ texts, biographical analysis, and interpretation of A. van Gennepe’s rites of passage. The author argues that, in the “return-from-exile” texts, his exile is connected with the motives of home as an external and internal living space; suffering/tears/injuries as well as with the situation of “creativity as salvation” based on the bibliophilic cultural myth of the Enlightenment. The return-from-exile plot is represented by three main motives: home (the loss of the Siberian and the creation of a new family estate), transformation (metamorphosis), and renewal/novelty. It is established that Sumarokov’s “inclusion” in the new order of life upon the end of exile meant recreation of the creativity forms (magazines, translated novels, poems, books on the art of living) he was engaged in in Siberia and critical rethinking of the bibliophilic cultural myth: in a liminal situation “between books and life”, creation of his own life outweighed creative writing.

Key words: Pankratiy Sumarokov; in-exile being; return from exile; liminality; “return-from-exile” texts; motive.

1. Возвращение из ссылки как биографический и литературно-художественный феномен

Ссылка, помимо наказания и / как преступления, утраты дома, бытия-в-ссылке, включает в себя, очевидно, и момент возвращения домой.

Значимость этого явления была подтверждена в 2017 г., когда городской совет Рима отменил решение императора Августа, вынесенное в 8 г. н.э., об изгнании Овидия. Символическим возвращением поэта на родину в Италии отметили две тысячи лет со дня его смерти [Овидию разрешили вернуться в Рим 2017].

Статья посвящена возвращению из ссылки поэта, переводчика, редактора П.П. Сумарокова, находившегося в Сибири 14 лет: с 1787 г. по 1801 г. Биографы Сумарокова, начиная от сына поэта Петра Панкратьевича Сумарокова до В.Д. Ларковича, создавшего на сегодняшний день наиболее обоснованную документально историю его жизни и библиографический путеводитель по его творчеству [Ларкович 2007], так или иначе выделяют в ней три главных периода: до ареста, приговора и ссылки; бытие-в-ссылке; жизнь после ссылки. Из 48 лет жизни Сумарокова самый большой период его жизни (22 года, 1765–1787) предшествовал ссылке. Почти 13 лет (1801–1814) Сумароков прожил после возвращения домой. Биографы поэта не наделяют его возвращение из ссылки каким-то особым смыслом и, что естественно, не ставят перед собой задачи изучения этого феномена, который понимается в статье как лиминальная ситуация, сюжет и, соответственно, система сюжетных мотивов.

Цель статьи – реконструкция опыта возвращения из ссылки П.П. Сумарокова на основе документальных и литературно-художественных тек-

стов, созданных им в 1801–1810-х гг.: от «Прошения Панкратия Платоновича Сумарокова на Высочайшее имя о восстановлении его в сословных и имущественных правах» от 28 сентября 1801 г., переводной повести «Любовники: соперники в авторстве, или Наставление писателям 19 века» (1802) до последней опубликованной книги «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым» (1809) и стихотворных произведений, возникших в этот период. Все эти тексты интерпретируются в работе как тексты возвращения. В качестве контекста анализируются произведения периода ссылки: домостроительные книги 1799–1800 гг., переводные повести «Училище любви» (1789) и «Варбек» (1793), стихотворные тексты. Произведения, изданные Сумароковым во время и после ссылки, представляют собой сегодня не просто редкие издания, но литературные и книжные памятники и хранятся в Российской национальной библиотеке, Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург), Музее книги Российской государственной библиотеки.

В литературно-художественных текстах Сумарокова нет прямых упоминаний о ссылке и возвращении из нее. Тема эта представлена в них инносказательно. Это определяет логику исследования: оно построено на сопоставительном анализе системы мотивов, характеризующих ссылку и возвращение из нее в «Прошении» Сумарокова, где вещи называются своими именами, и литературно-художественных произведениях.

Методология исследования базируется на интегративном подходе: мотивный анализ сосуществует в нем с биографическим анализом, включающим в себя, в частности, изучение правовых, финансово-экономических, житнетворческих аспектов возвращения, редакторской деятельности Сумарокова. Инструментом анализа в работе является также теория обрядов перехода А. ван Геннепе и, в частности, понятие о схеме перехода («отделение», «промежуток», «включение»), обрядах отправления в путь и возвращения [Геннеп 1999].

2. Возвращение из ссылки как система сюжетных мотивов

В тексте «Прошения», хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и опубликованном Д.В. Ларковичем, при всей риторичности его стиля отчетливо выделяется система мотивов сюжета возвращения из ссылки.

Ссылка в тексте «Прошения» связана с тремя основными мотивами: преступление, страдание, дом. О своем *преступлении* («нарисование асигнации») Сумароков пишет: «Оно велико», хотя «не от злодейского умысла, но единственно от неопытной молодости произошло». В наказании для него важно то, что он «лишен был по суду чинов и дворянского достоинства и послан в Сибирь» [Ларкович 2007, 163]. Сумароков не упоминает при этом, что ссылка в Сибирь по указу Екатерины II была заменой смертной казни.

В России «до начала XIX в. общего законодательства о ссылке и ее

квалификации не существовало» [Жалсанова, Жамбалов 2017]. Вопрос о ссылке Сумарокова в 1787 г. решался лично Екатериной II, а о его возвращении – Александром I [Ларкович 2007, 54–55, 156].

В «Прошении» Сумароков называет свою ссылку страданием («страдал четырнадцать лет»), себя – «злополучнейшим из смертных», свое положение – бедственным [Ларкович 2007, 163, 164].

Главное же, о чем пишет Сумароков в «Прошении» – о «доме родительском» и «бедственном положении» своего «семейства»: «Благословите оправдать надежду несчастнейшей из матерей! Осушите горькие слезы беззащитного одиночества, беспрестанно ею проливаемые... Возвратите ей во мне единственного сына» [Ларкович 2007, 163, 164].

Ссылка в «Прошении», таким образом, – это прежде всего разрушение дома, горькие слезы. Возвращение из ссылки мыслится как восстановление разрушенных связей матери и сына, возвращение в родительский дом. Биографическое событие в данном случае генетически восходит к своим мифологическим истокам.

Как древнейшая форма наказания ссылка связана, очевидно, с отношениями человека и пространства, противопоставлением родины и чужбины, культом Матери-Земли.

В связи с почитанием Матери-Земли в славянской традиции Г.П. Федотов подчеркивает, что «между миром и человеком та же неразрывная связь, что между организмом матери и сына <...> Он не царь земли, а сын ее» [Федотов 1991, 67]. С мифологической точки зрения, ссылка – разрыв сакральных связей человека с родившей его землей, эсхатологическое событие; возвращение из ссылки – восстановление разрушенного мира, новое миро-творение.

Лейтмотив сюжета возвращения из ссылки в «Прошении» – освобождение. Указ императора об освобождении Сумароков называет проявлением «милости», «высочайшего милосердия», дарованием свободы, обновлением жизни и «беспримерным счастьем».

В освобождении ссылкеного в «Прошении» есть три основных аспекта: правовой, финансово-экономический, житейский (где и на что, на какие средства жить) и лиминальный, связанный с ситуацией обновления (как жить).

Возвращение оказывается для ссылкеного драматичным и болезненным, пока он не восстановлен в сословных (в Сибири Сумароков был приписан к мещанскому сословию города Туринска) и имущественных правах, связанных, в частности, с «правом вступаться в распоряжение», как пишет Сумароков, делами родительского имения в селе Кунеево Каширского уезда Тульской губернии. «Не имея никакого состояния, не имея даже имени, вижу себя в страшной пустыне посреди столицы... не знаю я, что мне начать, не знаю, какими средствами продолжить несчастное бытие мое», – пишет Сумароков [Ларкович 2007, 164]. Состояние ссылкеного в ситуации возвращения, таким образом, предстает в «Прошении» амбивалентным: «беспримерное счастье» сосуществует в его сознании с «не-

счастливым бытием».

Итак, если ссылка в «Прошении», что очевидно и обусловлено биографической ситуацией, связана прежде всего с мотивами преступления, страдания / слез и утраты дома, то возвращение – с мотивами освобождения, милосердия, обновления и обретения дома. Подчеркнем, что системы мотивов, связанных со ссылкой и возвращением, в «Прошении» и литературно-художественных произведениях Сумарокова в целом совпадают.

3. Ссылка: новый дом, творчество и травма

Биография Сумарокова, созданная его сыном Петром, свидетельствует о том, что в сибирской ссылке поэт пережил все стадии «перехода»: от «отделения», разрыва с прежней жизнью; промежуточного, лиминального состояния до «включения» в новую для себя жизнь. Как и многие его современники, Сумароков испытывал страх перед Сибирью. «С отчаянием души ехал он туда», – писал Петр Сумароков [Сумароков 1832, XXII]. Однако в Сибири он открыл для себя родину и создал новый, свой собственный дом. «Там он пользовался известностью и почетом и привык смотреть на этот край, так приветливо принявший и приютивший его, как на родину», – утверждает Петр Сумароков [Сумароков 1871, 722]. В Тобольске Сумароков смог «купить собственный дом, собрать небольшую библиотеку и кабинет минералов» [Сумароков 1832, XXIII–XXIV]. В 1789 г. он женился на С.А. Казабе, в 1800 г. у него родился сын Петр, впоследствии не раз писавший о теплых отношениях родителей с сибиряками [Сумароков 1871, 727]. В Сибири, по сути, Сумароков находит второго отца, которым становится для него Александр Васильевич Алябьев, тобольский губернатор. «Он полюбил несчастного, как сына, и всячески старался облегчить его участь», – пишет об этом сын Сумарокова [Сумароков 1832, XXIII]. Образ уютного сибирского дома возникает, например, в сказке-были «Аль-наскар», сочиненной Сумароковым в ссылке.

Дом становится для Сумарокова лейтмотивом творчества, причем понимается он не только в прямом смысле как устройство жизни семьи, но и в смысле символическом – как устройство внутренней жизни (дома собственной души), важнейшую роль в котором играет его литературная и журнальная деятельность.

Приехав в Сибирь автором одного напечатанного стихотворения [Ларкович 2007, 26], Сумароков в Тобольске не только продолжает писать стихи, но и создает журналы («Иртыш, превращающийся в Ипокрену» 1789–1791; «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» 1793–1794), публикует две переводных книги («Училище любви» 1789; «Варбек» 1793), а после указа Екатерины II о закрытии частных типографий (1796) начинает печатать в Москве домостроительные книги (1799, 1800). В сущности, это экзистенциальная ситуация «творчество как спасение», характерная для ссылкеных из ближайшего окружения Сумарокова: в

Тобольске судьба свела его с А.Н. Радищевым и А. фон Коцебу.

Важен тот факт, что Сумароков причастен к феномену, который принято называть библиофильским культурным мифом эпохи Просвещения, связанным с представлением «об исключительном влиянии книги на нравственно-эстетическое самосознание и развитие человека» [Приказчиков 2009, 74].

В биографическом контексте главные переводные книги Сумарокова «Училище любви» и «Варбек» прочитываются как тексты самосознания и покаяния, знаки внутреннего домостроительства. Герои этих книг граф Рочельфильд и Варбек – молодые люди, которые проходят путь нравственного становления, преодоления собственных слабостей и разрушительных страстей. Мотив превращений (метаморфоз) в заглавии нового сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в биографическом контексте также приобретает новые оттенки смысла.

Наиболее полно мотив дома представлен в так называемых домостроительных книгах Сумарокова «Совершенный лакировщик» (1799) и «Источник здравия» (1800). Книги эти, сравнительно мало изученные, можно интерпретировать как личный Домострой Сумарокова, восходящий, помимо других источников, к памятнику русской литературы XVI в. «Книга глаголемая Домострой», но воссоздающий опыт частной жизни человека XVIII в., связанный с устройением дома (в том числе «дома» собственной души) и искусством управления им [Дворцова 2016].

Вместе с тем бытие-в-ссылке Сумарокова предстает как явление амбивалентное, лиминальное: создание нового дома не отменяет и не заменяет утрату родительского дома, а жизнь в Сибири, несмотря ни на что, воспринимается им как страдание «несчастливого».

Обычай называть ссыльных несчастными широко распространен в Сибири. Факт этот зафиксирован во множестве источников. Так, А. Коцебу в воспоминаниях «Достопамятный год моей жизни» (1801) пишет: «Я не слышал ни разу, чтобы ссыльных звали иначе» [Коцебу 2001, 27]. В книге С.В. Максимова «Сибирь и каторга» (1871) часть первая так и называется – «Несчастные».

Поэтическим свидетельством травмы ссылки и формой ее преодоления являются, очевидно, два стихотворения Сумарокова: «Гордость» и «Кедр», которые объединяет то, что М.М. Бахтин назвал «слезным аспектом мира».

Лейтмотивы стихотворения «Кедр», своего рода плача над судьбой человека, оказавшегося во власти «злого рока», – «скорбь, слезы и страданье» [Аонида 1798–1799, 303–306].

«Гордость» (1789) воссоздает опыт самосознания человека, испытывающего потрясение, вызванное фактом совершения преступления и переменной судьбы. Человек предстает здесь как «бренная былинка», «одушевленная пылинка», «червь», «прах надменный», «горсть земли» и, главное, «кукла Фортуны» (своего рода интертекстуальная отсылка к «Законам» Платона: «люди – куклы богов») [Сумароков 1832, 109, 110]. Вместе с тем,

как в «Училище любви» и «Варбеке», это изживание собственного инфантильного сознания: «Тебя одолевают страсти, / Ты столько не имеешь власти, / Чтоб их рассудку покорить» [Сумароков 1832, 111].

Главное же, это открытие подлинной сути человека как я-для-другого, которому вняты сострадание, поддержка ближнего и для которого слезы – свидетельство богоподобия человека: «Хотя б ты был и на Престоле; / Но Царь такой же человек. / Тогда лишь смертных превышает, / Когда их слезы осушает, / Снисходит утешать их сам <...> / Тогда – подобен он богам» [Сумароков 1832, 117].

Ситуация, когда ссыльные предстают в собственных глазах и в глазах окружающих как несчастные, вызывающие сочувствие, сострадание и желание поддержать, может быть понята, с нашей точки зрения, в контексте книги М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Фуко, в частности, пишет о причинах отмены жестоких публичных казней преступников. В ряду этих причин ситуация, когда наказание, становящееся насилием, в своей жестокости превосходит преступление и вместо его осуждения, презрения и ненависти вызывает сочувствие к преступнику и даже восхищение им. Характеризуя общее положение с практиками наказания в конце XVIII – начале XIX в., Фуко подчеркивает, что в это время «наказание постепенно перестает быть театром. И все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно» [Фуко 1999, 15].

Необходимо подчеркнуть, что «театр наказания» в России в конце XVIII в. сохранился в целом ряде моментов. Так, А. Коцебу пишет о наказании преступников, приговоренных к каторжным работам в керченских рудниках: «Их доставляют туда пешком, закованными, страдания их хуже смерти. Предварительно их наказывают обыкновенно кнутом и вырывают им ноздри» [Коцебу 2001, 127]. Сумарокову, потомку в одиннадцатом колене древнего русского дворянского рода, суждено было пережить свой «театр наказания»: «унизительный ритуал лишения чинов и дворянского достоинства» [Ларкович 2007, 14, 30].

Травма ссылки в случае Сумарокова преодолевается в творчестве, а также через освобождение и возвращение домой, восстановление родственных, семейных и профессиональных связей.

4. Возвращение из ссылки как лиминальный опыт

В ссылку в Сибирь уезжал лишенный звания 22-летний корнет Лейб-Гвардии Конного полка, возвращался из нее – 36-летний известный поэт, редактор, переводчик.

«Включение» в старую / новую жизнь становится для Сумарокова прежде всего продолжением тех форм творческой деятельности, которые он начал в Сибири: он редактирует журналы, пишет и печатает стихи, создает домостроительные книги.

Почти сразу после возвращения из Сибири Сумароков становится редактором нового еженедельного литературно-художественного «Журнала

приятного, любопытного и забавного чтения». Как и большинство журналов того времени, он просуществовал недолго: в 1802–1804 гг. вышло четыре его части и 12 номеров. Журнал издавался в частной типографии В.С. Кряжева, возникшей в апреле 1802 г. Кряжев известен, в частности, тем, что переводил А. Коцебу, в частности, его книгу «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или Заключение его в Сибирь и возвращение оттуда» [Рак 1999, 158–160]. Возможно, связи Сумарокова и Кряжева объясняются общим для них интересом к Коцебу, с которым Сумароков встречался в Тобольске в 1800 г.

В создании «Журнала», очевидно, сказался сибирский опыт Сумарокова-редактора. «Журнал», с нашей точки зрения, типичен для своего времени и карамзинского направления русского литературы, которое он представлял. Не случайно в конце 1803 г. Сумароков, как пишет его сын, «по желанию» Карамзина «принял на себя издание “Вестника Европы”» [Сумароков 1832, XXVIII]. Работа Сумарокова на посту редактора этого журнала продолжалась в течение 1804 г., и на этом его журнальная деятельность после ссылки заканчивается. Сын Сумарокова объясняет это трудностями руководства московским журналом из деревни Кунеево, где семейство Сумароковых поселилось, «возвратившись в Россию». Он писал об отце: «В 1804 начал было издавать “Вестник Европы”, но не имея сотрудников и по жительству своему в деревне затрудняясь получением нужных материалов изнурил себя неумеренною работою, занемог и бросил все» [Сумароков 1832, XXVIII].

С нашей точки зрения, отказ Сумарокова от редакторско-журнальной деятельности связан и с изменениями в системе его ценностей: книги и журналы начинают соперничать в его сознании с творчеством жизни. В русской культуре XVIII в. был опыт более чем десятилетнего редактирования журналов из деревни: А.Т. Болотов из своей тульской деревни Дворяниново редактировал домостроительные журналы «Сельский житель» (1778–1779) и «Экономический магазин» (1780–1789).

В 1809 г. в издательстве Московского университета вышла главная домостроительная книга Сумарокова «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым» [Сумароков 1809]. Это была последняя из опубликованных Сумароковым книг и, как ясно из ее длинного заглавия, автор-домостроитель обращает ее читателям-домостроителям. Тот факт, что в ссылке и после возвращения из нее Сумароков занимается одними и теми же видами творческой деятельности, свидетельствует о внутреннем единстве его жизни и творчества. Но уже в 1802 г. в его художественной аксиологии появляются черты новизны. Этой теме Сумароков посвящает стихотворение «Новизна». С наибольшей очевидностью черты новизны проявляются в двух произведениях: переводной повести «Любовники: соперники в авторстве, или Наставление писателям XIX века» и «Ода в громко-нежно-нелепом-новом вкусе». Переводчиком повести, по мнению Д.В. Ларковича [Ларкович 2007, 61], был сам Сумароков. Напечатана она в первом номере «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения»

и потому явно носит программный характер.

«Ода» Сумарокова вышла во втором номере этого «Журнала». Связь произведений очевидна и не раз была предметом рефлексии исследователей, трактующих их обычно как сатирическое изображение эпигонов классицизма и сентиментализма [Ларкович 2007, 60–62].

В контексте нашей темы произведения могут быть поняты иначе: как критическое осмысление Сумароковым библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения и свидетельство кризиса его творческого сознания в ситуации выбора между библиофильским мифом и идеей домостроительства как творчества жизни.

В основе сюжета повести «Любовники» – история Кларвиля, который был в армии, «отличился там» [Любовники 1802, 68], а вернувшись в Париж, увидел здесь новую, незнакомую жизнь. Его «любовница» Эйлалия вместо привычных для него занятий, связанных с гитарой, кистями и красками, «почти все время читает да пишет». О новой жизни Парижа ему рассказывают так: «Теперь все стали такие охотники до чтения! У нас появилось такое множество новых книг!» [Любовники 1802, 27]. Более того, в столице стало «почти столько писателей, сколько жителей», а искусство сочинения романов стало «всеобщим» [Любовники 1802, 41].

Эйлалия тоже «сочинила книгу» и поставила Кларвилю условие: она выйдет за него замуж, если он напишет роман об их любви в пяти томах. Кларвилю ничего не остается делать, как воспользоваться «очень легким способом сделать весьма приятный роман не более как в три недели» [Любовники 1802, 44]. Роман Кларвиля, созданный в соответствии с «новым наставлением писателям 19 века», хвалят критики, что вызывает зависть Эйлалии, в результате чего «любовники поссорились и – навсегда», а Кларвиль женился на «молодой и прелестной вдове» [Любовники 1802, 54].

Гротескный этот сюжет, в котором усматривается событие возвращения домой самого Сумарокова, с нашей точки зрения, – свидетельство того, что он дистанцируется и от новых, и от старых наставлений писателям, «легкий способ сделать приятный роман» конкурирует в его сознании с «истинным способом быть здоровым, благополучным и богатым», а реальное домостроительство становится для него важнее неизбывной страсти к чтению и книгам.

Эту же мысль можно усмотреть в эпиграфе к «Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе», взятом из комедии Мольера «Мизантроп».

Жизнь в родовом имении Кунеево после возвращения из ссылки становится для Сумарокова важнейшим опытом домостроительства как житнетворчества. Сумароков вновь строит свой дом, в нем соединяется опыт создания родительского и сибирского домов, но возникает новая жизнь. «Желая устроить усадьбу свою, которую нашел в величайшем беспорядке, – пишет Петр Сумароков, – отец его завел лазорную фабрику, суричную, поташную и еще некоторые другие» [Сумароков 1832, XXIX].

Закономерно, что производство лазури, сурика и поташа заставило его, как отмечает Петр Сумароков, «познакомиться с химией, к которой он совершенно пристрастился», так что «химические опыты составляли любимое его занятие» [Сумароков 1832, ХХІХ]. Важно подчеркнуть, что «последним трудом его был перевод: “Разговор о химии” Лавуазье, которого он не успел уже кончить» [Сумароков 1832, ХХХІ].

Интерес Сумарокова к французскому химику, его старшему современнику, занимавшемуся, в частности, изучением химических превращений, например, превращений воды в землю, и казненного по решению Революционного трибунала, представляется нам неслучайным. С ним Сумарокова объединяет и интерес к тайне превращений, например, Иртыша в Иппокрену, и опыт человека, приговоренного к смертной казни, но, в отличие от Лавуазье, ее избежавшего благодаря ссылке.

Роковым в судьбе Сумарокова, как, впрочем, и всей России, стал 1812 г. В «Воспоминаниях 1812 года» Петр Сумароков воссоздает детальную – по датам – картину жизни деревни Кунеево и окрестностей во время наполеоновского нашествия. Здесь и «многим памятная комета 1812 года», и взятие Москвы, и Бородинское сражение, и бегство помещиков из Тульской губернии в более безопасные места и т.п. Сумароков, как пишет его сын, принадлежал к тем, кто «вовсе не хотел уезжать». «Я не могу и не хочу в такое время бросить имение, – говорил он, – мы должны теперь ободрять людей, а не бросать их на произвол судьбы» [Сумароков 1856, 327].

События 1812 г. привели к тому, что дела Сумарокова, как отмечает его сын, «совершенно расстроились». И хотя французы не входили в Кунеево, «все заведения остановились и пустить их в ход было почти невозможно. Он много задолжал, не имел средств сделать никакого оборота: думал, беспокоился и это, может быть, ускорило преждевременную кончину его» [Сумароков 1832, ХХХ], – пишет сын Сумарокова.

5. Итоги

Возвращение Сумарокова из ссылки самым тесным образом связано с его бытием-в-ссылке. Возвращение стало не только освобождением и «отделением» от ссылки с ее страданием, но и продолжением жизненного (создание дома как внешнего и внутреннего пространства жизни) и художественного (журналы, переводные повести, домостроительные книги, стихи) опыта, который Сумароков приобрел в Сибири.

Ссылку и возвращение из нее объединяет интерес Сумарокова к превращениям (метаморфозам) как механизму обновления. Механизм этот воссоздан в басне «Новизна», в которой Богиня Новизна проходит через ряд превращений (смену внешнего облика), сохраняя при этом внутреннюю суть. В ссылке Иртыш превращался для Сумарокова в Иппокрену, после возвращения Сибирь превратилась в Богиню по имени Новизна.

Обновление жизни Сумарокова после возвращения является лиминальной ситуацией, связанной с противостоянием систем ценностей: кни-

ги и / или жизнь. Сумароков критически переосмысляет библиофильский культурный миф, творчество жизни делается для него важнее сочинения книг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1798–1799. Кн. 3. С. 303–306.
2. Жалсанова Б.Ц., Жамбалов Д.З. Правовая регламентация ссылки в Сибирь как уголовного наказания в Российском государстве в XVII – первой половине XIX вв. // Власть. 2017. № 10. С. 141–147.
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999.
4. Дворцова Н.П. Книжное домостроительство Панкратия Сумарокова // Филологический дискурс. 2016. № 13. С. 139–147.
5. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни: воспоминания. М.: Аграф, 2001.
6. Ларкович Д.В. Литературная судьба Панкратия Платоновича Сумарокова (опыт семантического анализа). Сургут: Сургутский государственный университет, 2007.
7. Любовники: соперники в авторстве, или Наставления писателям 19 века // Журнал приятного, любопытного и забавного чтения. 1802. Ч. I. № 1. С. 25–54.
8. Овидию разрешили вернуться в Рим // Год литературы. URL: <https://godliterary.ru/events/ovidiyu-razreshili-vernutsya-v-rim> (дата обращения 15.01.2020).
9. Приказчикова Е.Е. Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // Филологические науки. 2009. № 4. С. 74–86.
10. Рак В.Д. Кряжев Василий Степанович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. С. 158–163.
11. Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб.: тип. Плюшара, 1832.
12. Сумароков А. [Сумароков Петр Панкратьевич]. Записки отжившего человека // Вестник Европы. 1871. № 8. С. 691–728.
13. Сумароков П. Воспоминания 1812 года // Отечественные записки. 1856. Т. CVIII. Кн. 10. С. 313–339.
14. Сумароков П.П. Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым... Ч. I–II. М.: Университетская типография, 1809.
15. Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Dvortsova N.P. Knizhnoye domostroitel'stvo Pankratiya Sumarokova [Pan-

kratiy Sumarokov's Books on the Art of Living]. *Filologicheskii diskurs*, 2016, no. 13, pp. 139–147. (In Russian).

2. Prikazchikova E.E. Kul'turnyi mif o romane-razvratitele i sposoby ego preodoleniya v russkoy literature epokhi Prosveshcheniya [The Cultural Myth of the Corrupting Novel and How to Overcome it in Russian Literature of the Enlightenment]. *Filologicheskije nauki*, 2009, no. 4, pp. 74–86. (In Russian).

3. Zhalsanova B.Ts., Zhambalov D.Z. Pravovaya reglamentatsiya ssylki v Sibir' kak ugolovnoye nakazaniye v Rossiiskom gosudarstve v 17 – pervoy polovine 19 vv. [Legal Regulation of Exile in Siberia as a Criminal Punishment in the Russian State in the 17th – First Half of the 19th Centuries]. *Vlast'*, 2017, no. 10, pp. 141–147. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Rak V.D. Kryazhev Vasiliy Stepanovich [Kryazhev Vasily Stepanovich]. *Slovar' russkikh pisateley 18 veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 158–163. (In Russian).

(Monographs)

5. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikhham)* [Spiritual Verses (Russian Folk Faith in Spiritual Verses)]. Moscow, Progress Publ., Gnosis Publ., 1991. (In Russian).

6. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. (Translated from French to Russian).

7. Genep A. van. *Obryady perekhoda* [Rites of Passage]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. (Translated from French into Russian).

8. Larkovich D.V. *Literaturnaya sud'ba Pankratiya Platonovicha Sumarokova (opyt semanticheskogo analiza)* [The Literary Fate of Pankratiy Platonovich Sumarokov (An Experience of Semantic Analysis)]. Surgut, Surgut State University Publ., 2007. (In Russian).

Дворцова Наталья Петровна, Тюменский государственный университет.

Доктор филологический наук, профессор, профессор кафедры журналистики.

Научные интересы: русская литература XX–XXI вв., книжная культура XVIII–XXI вв.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID: 0000-0001-5586-0575

Natalia P. Dvortsova, University of Tyumen.

Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism. Research interests: Russian literature of the 20th – 21st centuries, book culture of the 18th –21st centuries.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID: 0000-0001-5586-0575